

Гастроли Центрального театра Советской Армии

Незабываемый сорок пятый...

Шел в Москву эшелон из Бреста, в на станциях шумная толпа фронтовиков заполняла перрон. Великая битва приближалась к концу. В вагонах люди в гимнастерках с жадностью расспрашивали тех, кто побывал в самом Берлине: «Ну, как там, рейхстаг, какой он?».

Люди в гимнастерках медленно, с тяжелым раздумьем, произносили имена павших, и в поезде, в каждой купе, притаилась чья-нибудь человеческая трагедия.

Но все же неизменно радостное настроение царило среди всех людей. Они ждали мира.

...В большой московской квартире, где-то за стеной, послышался детский голос, протяжный и звонкий: «Ма-а-мо-чка, война ко-о-нчилась!».

Радио услышали все одновременно. Германия капитулировала. И разом в доме поднялась огромная волна радости.

Это настроение первой мирной весны после тяжелых лет войны пронизывает весь спектакль Центрального театра Советской Армии «Светлый май» (режиссер Д. Тункель). Ведь именно об этом, о настроении советских людей в дни светлого мая тысяча девятьсот сорок пятого года, и хотелось рассказать драматургу Леониду Зорину, рассказать о том, что сложилось на сердце у людей война, какими люди стали и как войдут они в завтрашний мирный день.

Но этот замысел воплощен драматургом далеко не полно.

Большой вопрос морального совершенствования советского человека проходит в пьесе стороной, хотя мог бы быть главным. Драматург, не заметив для себя, увлекается семейно-бытовой темой. Правда, тема эта решается живо, интересно, перед нами проходит целая галерея ярких человеческих характеров. Но все же хочется подчеркнуть: автор на данном материале мог бы решить гораздо более глубокие и важные вопросы жизни советских людей.

Несмотря на недостатки пьесы, в которой, впрочем, есть и хорошее, доброе, спектакль в ЦТСА получился очень теплым. В нем есть богатая душевная щедрость, и она вселяет симпатию к героям. И фронтовики, возвращающиеся к мирному очагу, к семье, к любимым, близки и понятны нам. Радость победы, май сорок пятого никогда не исчезнет из памяти, и потому спектакль вселяет особенно хорошие чувства.

Запоминается сдержанный, неразговорчивый майор Костромин (артист Александр Петров). Война наложила на его лицо печать холодной суровости. Актер играет роль так, что чувствуешь — в бою Костромин был мужествен, в личной жизни — кристально чист.

К сожалению, стандартная концовка пьесы, когда Костромин вдруг скоропалительно влюбляется в свою

новую знакомую, значительно снижает этот образ. И враг Костромину, неустойчивый и злобный капитан Казаков, также не представляет собой глубокого психологического образа. Поначалу сцены, великолепно разыгранные В. Сошальским, привлекают к нему внимание. Но по мере раскрытия существа этого персонажа обнаруживается, что перед нами ставший уже драматургическим штампом мелодраматический злодей в маске хоборопорядочного красавца.

С тонким чувством юмора ведет свою роль Т. Алексеева, создавая характер умной, духовно богатой женщины. И если в первом акте Толмачева — Алексеева еще не располагает к себе окончательно (слишком резонерски, излишне правозвучительно звучат ее фразы, обращенные к Костромину), то со второго акта она целиком завоевывает доверие зрителя.

Для Толмачевой — генерал-майор Толмачев — человек высоких нравственных устоев. Мелкие страсти, все недостойное внимания человека он отменяет и живет только большими чувствами, добрыми и умными размышлениями. Все это содержание образа артист Г. Румянцев раскрывает. Особенно ясно начинаешь понимать Толмачева в сцене объяснения с бывшей женой, когда-то покинувшей его, а теперь пришедшей с повязанной.

Ясно читаешь в его взгляде глубокие и сложные переживания: он любил ее, может быть, любил и теперь, но она так и не стала до конца искренней женщиной, она вернулась из корысти, не по зову сердца. И поэтому, хотя это и очень трудно, он рвет с ней окончательно.

Интересной актерской работой явился сценический образ старшего лейтенанта Агеева (артист И. Рябинин). Простой это человек, скромный. Фронтные будни сдружили его с девушкой-радиостом. в огне боев родилась их близость. Но пришла война, и Агеев возвращается к семье. Долг семьянина он поставил выше крепкой фронтовой привязанности.

Скользкий человек, крохобор и болтушка Кандов (Ш. Пасгухов), обаятельный моряк (Андрей Петров), распевавший всю дорогу излюбленную фразу — «морская гвардия идет уверенно», чувствительная, но не искренняя с людьми Ляля Петровна (О. Малько) — все это превосходно сыгранные роли, богатые многообразными красками, мыслями...

* * *

— Вы плачете. — спрашивает

Толмачева, заглядывая в глаза Костромину, когда с улицы уже разносится ликующие звуки победы. И тут вдруг на лице Костромина — Петрова видны подлинные слезы, и одиноко возвышающимся голосом, осекающим, грубоватым, он кричит, стараясь спрятать волнение:

— Було не видите, черт вас возьми!

Молчание воцаряется в зале, а затем — грохот аплодисментов. Зрители услышали в этой сцене отзвук своих давних, а теперь неожиданно напывшихся переживаний...

Театр повел о незабываемом. Хорошо, когда искусство затрагивает самые глубокие струны человеческой души. Но искренности переживаний должна сопутствовать сила больших обобщений, открытие новых глубин в человеке современности.

«Новых глубин» в пьесе Зорина не оказалось. Бодьюню тему «светлого мая в душах людей» Зорин только поставил в своем приращении, но не разрешил до конца. Вот почему возникают серьезные упреки драматургу наряду с благодарностью актерам и режиссуре за их искренность, за правдивость и теплоту их спектакля.

Ю. СМЕРНОВ-НЕСВИЦКИЙ.